

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. А. РЕФОРМАТСКИЙ

ЧТО ТАКОЕ СТРУКТУРАЛИЗМ?

I

До последнего времени термин «структурализм» в нашей науке был почти бранным словом в такой же мере, как «формализм» и некоторые другие термины. Освещая данный вопрос, мне хотелось бы отрешиться от всяких субъективных и эмоциональных реакций и объективно изложить то, что я думаю.

Прежде всего мне кажется, что недифференцированное понятие «структурализм» содержит очень много противоречивых признаков и качеств. Это объясняется тем, что есть разные виды «структурализма»: пражский, датский, американский и другие, коренным образом отличающиеся друг от друга.

Должен сказать, что я хочу искать в структурализме положительное, и твердо верю, что оно есть. Однако там, где так называемые «структуралисты» начинают искажать и предавать плодотворную идею (Брёндаль, Ельмслев, Блумфилд, Хоккет, Найда и др.), я оставляю за собой право резкой и прямой критики. В этой статье мне хотелось бы выяснить, чем лингвистическая наука XX в. отличается от науки XIX в., что мы не должны принимать из «догматов младограмматиков»¹ и что в науке XX в. достойно развития и поощрения. Исходя из идей и схем даже самых прогрессивных лингвистических трудов младограмматиков и стоя на их «нефилософской» теоретической платформе, нельзя понять ни отрицательных, ни положительных сторон того, что огульно называют «структурализмом».

Термин «структурализм» появился не сразу. Ни у Соссюра, ни у более ранних предшественников этого направления (И. Винтелера, И. А. Боуэна де Куртена, Ф. Ф. Фортунатова) его, конечно, не было. Не фигурировал он и в основных трудах Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона² и К. Бюлера³. Одной из первых работ, где сделана попытка обосновать понятие структурализма, была статья Х. Поса⁴ — голландского философа, заинтересовавшегося новой проблематикой в лингвистике. У нас в СССР в связи с потребностями практики построения алфавитов для бесписьменных и младописьменных народов (труды ВЦК Нового алфавита), в связи с реформой русской орфографии, выработкой правил практической транскрипции для картографии, библиографии и других нужд, а также в связи

¹ Пожалуй, что — все. В этом-то и трагедия научной преемственности!

² Я имею в виду их работы эпохи Пражского лингвистического кружка (1929—1939 гг.).

³ Здесь имеются в виду статьи К. Бюлера, изданные в 20-х и 30-х гг. в «Travaux du Cercle linguistique de Prague» (TCLP), а также его книга «Sprachtheorie (die Darstellungsfunktion der Sprache)» (Jena, 1934).

⁴ См. H. J. P o s, Perspectives du structuralisme, TCLP, 8, 1939.

с принципами издания словарей, орфоэпических указателей и т. п., также возник этот вопрос. Слова «структурное понимание» языка, «структурная лингвистика» и даже *horribile dictu* «структурализм» были употребительны задолго до появления статьи Х. И. Паса. Однако в то время многое мешало выработке взглядов по данному вопросу. В нашей лингвистической печати в последнее время появились статьи, хотя и не блестящие оригинальностью, но содержащие в себе много верных и «едких» замечаний по поводу некоторых положений зарубежных структуралистических теорий¹. Но только такими статьями вопрос о структурализме разрешить нельзя. Вот почему и я рискнул написать эту статью в защиту структурализма как новой концепции подхода к изучению фактов языка, в корне отличной от методов младограмматиков.

II

Мне кажется, что структурализм в истории науки о языке — явление закономерное, вытекающее из общего хода развития лингвистической мысли. Если идея «нормативной грамматики» была осуществлена у индусов (Панини) и у александрийцев, а затем носилась в эпоху Возрождения и прошла через XVII и XVIII вв., то в XIX в. эту идею отдали школе и отстранили от науки. Успехи науки в области сравнительно-исторического языковедения, где все чуждо нормативности, не разрешали основных методологических вопросов лингвистики. Что такое язык? Какова его «организация»? Все это ни биологи, ни психологи, ни «странные» младограмматики не были в силах разрешить. Одни искали основу лингвистики в этнографии и истории материальной культуры (Уленбек, Зеленин, Марр), другие — в логике (Гуссерль, Бюлер, неопозитивисты), третьи — в эстетике (Кроче, Фосслер), четвертые — в психологии (Ван Гиннекен, Марти, Бодуэн де Куртене). Но это все — измена лингвистическому пути, несмотря на то, что в отдельных анализах Гуссерля, Бюлера, Марти, Ван Гиннекена (не говоря уже о Бодуэне де Куртене) есть многое, что оживило атмосферу лингвистики XX в.

Для лингвистической науки XX в. тем основным в «прошлом», от чего следовало отталкиваться, было учение младограмматиков. Младограмматики стояли на позиции «номмешательства» философии в лингвистику. Г. Пауль утверждал, что для построения лингвистической теории философия так же нужна, как и любая другая наука. Это, по его мнению, знамение «нефилософского века» (*Unphilosophisches Zeitalter*)²; и тем не менее младограмматики все-таки имели свою философскую базу. Этой базой был ранний позитивизм, примитивный позитивизм О. Конта. В этом легко убедиться, если взять и параллельно сравнить многие места из «*Morphologische Untersuchungen*» Г. Остгофа и К. Бругмана (о понимании закона, о непознаваемости «начал» и «концов», о сведении формулировок от множества к единству, о достоверности, реальности и т. п.) с соответствующими местами сочинений О. Конта³.

¹ См.: М. М. Г у х м а н, Против идеализма и реакции в современном американском языкознании (Л. Блумфилд и «дескриптивная» лингвистика), ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 4; О. С. А х м а н о в а, О методе лингвистического исследования у американских структуралистов, ВЯ, 1952, № 5; О. С. А х м а н о в а, Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания, ВЯ, 1953, № 3; О. С. А х м а н о в а, Основные направления лингвистического структурализма, М., 1955 и др.

² См. H. P a u l, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 5-e Aufl., Halle a. S., 1920.

³ См. H. O s t h o f f und K. B r u g m a n n, *Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, Theil 1, Leipzig, 1878, а также A u g u s t e C o m t e, *Système du politique positive* . . . t. 1—4, Paris, 1851—1854.

Эмпиризм и психологизм младограмматиков не могли стать основой для развития лингвистической теории, поэтому все позднейшие поколения лингвистов, логиков, психологов по-своему старались оттолкнуться от младограмматических догм. Одни считали их слишком идеалистическими, другие — недостаточно идеалистическими.

Что же надо было преодолеть лингвистике в наследии младограмматиков?

1. Теорию «конгломерата», т. е. непризнание за языком единства и целостности. В «нефилософский век», как говорил Пауль, лингвисты не понимали единства и целостности своего объекта. Для них все распадалось на несооставимые части: физическое, физиологическое, психическое, причем в последнее включалось все, кроме фонетики, т. е. грамматика и лексика. О том, что у языка как целого должно быть свое онтологическое «место», не думали и не хотели думать.

2. Эмпиризм и боязнь абстракции. Детали у младограмматиков за-
слоняли перспективу, и за деревьями они не видели леса. Эта тенденция была связана с успехами наблюдений прежде всего в фонетике — как сравнительно-исторической, так и «описательной» (что, как правило, смешивалось). Успехи экспериментальной и инструментальной фонетики поддерживали эту тенденцию. Так возникал своеобразный спорт: кто больше деталей зарегистрирует. И вот, под пером различных наблюдателей русский вокализм, например, раскладывается то в двадцать, то в сорок, то в восемьдесят клеточек, где такие факты, как [a] и [æ] или [a], все же оказываются в единой рубрикации¹, тогда как в этом плане можно говорить только об одном «а».

Во многом способствовали этой тенденции и успехи тогдашней диалектологии (что в целом было очень важным для борьбы с «бумажной фонетикой»), где выработался жанр под названием: «об особенностях такого-то говора»; в таком описании регистрировались, и довольно точно, отклонения фонетики и морфологии данного говора от литературного языка, но в чем же было «лицо» данного говора — осталось неизвестным.

3. Безразличное, качественно не взвешенное перечисление фактов любого яруса языковой структуры: звуков, форм, слов. Естественно, что при таком методе, например в фонетике, картина зависела от «уха» описывающего: чем тоньше «ухо», тем больше можно было зарегистрировать единиц безличного и безразличного ряда. Изучение фонетики при таком изложении делается практически невозможным². То же происходило и с частями речи, когда в одну «нумерацию» включались имена и частицы, глаголы и предлоги, и даже «префиксы». Идея иерархического расчленения была абсолютно чужда младограмматикам.

4. Неразличение современного статуса и предшествующих процессов. Результат не равен сумме процессов — этой истины мы не найдем у младограмматиков. Особенно пагубно отразилось это заблуждение на фонетике. Различные явления звуковых мутаций и чередований вытягивались в одну безразличную ниточку, где давно прошедшее, недавнее прошлое и современное перепутывались в удивительной эмпирической неразберихе. И нужен был провидительный гений Бодуэна де Куртене, чтобы распутать эту паутину и все поставить на свои места³.

5. Младограмматики всегда ратовали за «Sprachgeschichte», но связной

¹ Ср. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, Л., 1925 (4-е изд. — М., 1941).

² Предлагаю для проверки «выучить» русский вокализм по Шахматову (см. А. А. Шахматов, указ. соч.).

³ См. J. Baudouin de Courtenay, Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, Strassburg, 1895.

истории языка у них не получалось, что объяснялось беспомощностью их методологических установок. Это была эмпирическая регистрация изменений отдельных изолированных фактов (история [а], история формы данного падежа, история такого-то слова и т. д.), т. е. то, что в свете системности сейчас осуждается как «атомизм».

Вот те основные положения младограмматиков, которые необходимо было преодолеть, чтобы лингвистика получила свой собственный предмет, свой метод, свою технику исследования и описания и что могло бы ликвидировать разрыв описательного и исторического языковедения, научной и школьной «грамматики», теоретических исканий и запросов практики.

III

Где же следовало искать пути преодоления тех неверных положений, которые оставили младограмматики? И откуда пришли новые идеи?

Конечно, на смену старому новое пришло не сразу. В недрах «последнего» старого уже были корни нового. И, думается, такие ученые, как И. Винтелер, П. К. Услар, Л. Л. Васильев — в своих практических работах, а И. А. Бодуэн де Куртене, Н. В. Крушевский, Ф. Ф. Фортунатов и Ф. де Соссюр — в теоретических трудах, нащупали новые подходы. «Формализм» Фортунатова и «преструктурализм» Соссюра — разные стороны «новых путей».

Минуем пока что все «изгибы» и противоречия официального структурализма и поговорим о том положительном, что, на наш взгляд, содержит структурализм.

1. Положительной чертой структурализма является отказ от пресловутой теории «конгломерата», провозглашенной младограмматиками. Надо было понять язык как особый целостный объект, как собственную «онтологическую сферу» с ее внутренними законами. Бодуэн в борьбе с остатками биологизма пытался характеризовать общее качество языка как психическое, правда, с оговоркой в пользу социологического¹. Место языка, конечно, в социальном.

Для понимания целостности и единства языка при всем разнообразии его фактов важны два понятия: система и структура.

2. Понятие «система» предусматривает единство однородных явлений (фонетики, грамматики, лексики). Это горизонтальный срез по ярусу, где «факты» берутся не изолированно, а лишь во взаимосвязи, поэтому каждый голый факт становится подлинным фактом только тогда, когда прослежены все его значимые и незначимые отношения с аналогичными фактами данного ряда или яруса языковой структуры. Первым наиболее убедительно показал это, независимо от П. К. Услара и И. А. Бодуэна де Куртене, Ф. де Соссюр в рассуждениях по вопросам фонетики (*ch* и *r* во французском, немецком и русском языках)², о множественном и двойственном числе³ и о словах *mouton* (франц. «баран», «баранина») и *баран*, *баранина* в русском языке⁴.

Система в языке — это взаимосвязь и взаимообусловленность однородных явлений в пределах одного яруса структуры — фонетической, морфологической, синтаксической и даже лексической. Все ярусы языковой структуры системны.

¹ См. И. А. Бодуэн де Куртене, Языкознание (статья в 81-м полутоме энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрова), СПб., 1904, стр. 518.

² См. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, перевод с франц., М., 1933, стр. 118.

³ Там же, стр. 115.

⁴ Там же, стр. 115 (в подлиннике — сравнение *mouton* с англ. *mutton* и *beef*).

3. Именно вопрос о системе вызывает необходимость постановки проблемы структуры. Структура — это результат вертикального анализа языка от периферии вглубь, это та «ось», на которой «крепятся» различные ее ярусы, образуя единство разнородных элементов в целом. Так же как система не является суммой фактов данного яруса, так и структура — не сумма звеньев одной вертикальной оси. В обоих случаях на первый план выступает проблема целого, «которое было раньше своих частей» и которое качественно отлично от любых конгломератов слагающих его единиц.

4. Для утверждения лингвистики как подлинной науки особенно важной является проблема тождества, что связано *vice versa* с вопросом о различиях. Данный вопрос поставил Соссюр, но поставил далеко не во всем объеме. Казалось бы, этот вопрос прост: ведь писали же диалектологи об «особенностях» говоров, разумея *р а з л и ч и е* данного говора и литературного языка в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике. Однако на самом деле все это не так просто. Если мыслить себе язык как систему и структуру, то различия нельзя обнаружить путем чисто эмпирического наблюдения. Их (различия) надо «взвесить» структурно: какого это яруса различие и с чем его можно сопоставить.

Приведем пример. Если сравнить две «формы» *взяла* [вз'Алѧ] во владимиро-поволжских говорах и в южных (допустим, рязанских), то выходит, что различия здесь нет, а тождество налицо. Но это неверно¹. Во владимиро-поволжских говорах фонемы ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩ в первом предударном слоге различаются, а в рязанских (большой частью) — не различаются. Следовательно, как изолированный факт — это тождество, а как факт во взаимосвязи с другими фактами данного яруса и ряда — не тождество. В данном случае налицо фонетическое тождество при фонематическом не-тождестве.

Различие в одном ярусе структуры часто предполагает тождество в другом. Так, вариации одной и той же гласной, допустим, русской фонемы ⟨а⟩, представляют собой различия: [æ] в *малъ*, [a] в *пат*, [ɑ] в *лал* и т. п., но в фонемном кругу все эти [æ], [a], [ɑ] образуют одну единицу: фонему ⟨а⟩, т. е. тождество. Это важно для морфологии, где следует, допустим, установить тождество и различие флексий в примерах: *стола́, коня́, дома́, то́ля, кра́я*, хотя флексии звучат по-разному: [ɑ] в *стола*, [æ] в *коня*, [ɑ] или [ə] в *дома*, [ʌ] или [ə] в *толя* и [æ] в *кря*, но в фонематическом ярусе это всё ⟨а⟩, т. е. тождество. Фонематически тождественны и флексии в словах *толя* (род. падеж) и *Толя* (имя), хотя морфологически они разные. Значит, мы выходим в новый ярус, где прежнее тождество, т. е. тождество предыдущего яруса, — уже не тождество. То же самое происходит и с разными аффиксами, использованными в той же функции, например *стола* и *дома*: оба слова имеют флексии множественного числа в именительном падеже, однако они не тождественны, а являются параллельными элементами в одной и той же функции². Зато различия морфологические могут стать тождеством синтаксическим, например, синтетическая и аналитическая форма будущего времени в глаголах: *я напи́шу* (совершенный вид) и *я буду писать* (несовершенный вид), или в таких оборотах: *он — инженер* и *он работает инженером*. Таковы же лексические различия, синтаксически

¹ См. А. А. Реформатский, Принципы синхронного описания языка, «Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета [Ин-та языкознания АН СССР], посв. дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка», М., 1957, стр. 11—12.

² См. об ошибках в работах некоторых американских структуралистов, где это положение не принято во внимание в моей статье «О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)» (сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955).

представляющие тождество: он работает халатно — он работает спустя рукава.

Итак, проблема тождеств necessarily связана с проблемой различий. Одно без другого не может быть понято, а без выяснений тождеств и различий, распределенных по ярусам языковой структуры, не могут быть поняты и сама структура языка и любые входящие в нее элементы.

5. Подобная трактовка явлений языка упирается в проблему знака. Во многих высказываниях о языке термин «знак» употребляется довольно произвольно. Так, Ф. Ф. Фортунатов неоднократно упоминает о «знаках языка», но это очень далеко от «теории знака», хотя различение типов знаков у Фортунатова очень интересно. Ф. Ф. Фортунатов говорил о знаках «для мысли» и предметов мысли, о знаках «для выражения чувствований», а также о знаках тех «отношений, которые открываются в мышлении». К сожалению, эти чисто системно-структурные характеристики знаков языка у Ф. Ф. Фортунатова сопровождаются определением «представления», что уводит от лингвистики¹. Ничего не объясняющим и типично прагматистским является понимание знака у Д. Н. Кудрянского, который считает, что «мысль пользуется для облегчения своей работы»² знаком.

Большая заслуга в теории знака принадлежит Э. Гуссерлю, который дал классификацию семиотических явлений и ввел термины «Anzeige», «Anzeichen» и «Zeichen» (часто с эпитетом — «gebildetes Zeichen») ³. Новую интерпретацию этого вопроса находим у К. Бюлера, различающего функции знаков: «Ausdrucksfunktion», «Appellfunktion» и «Darstellungsfunktion», где явно отсутствуют знаки в «Dejktivfunktion» (о чем, впрочем, Бюлер пишет в главе о местоимениях) ⁴.

Как нам кажется, в лингвистике сущность знака понимается следующим образом: 1) знак должен быть материален и доступен чувственному восприятию; 2) сущность знака не исчерпывается его материальностью; в ней (и именно в ней) имеются известные признаки, которые в своей совокупности образуют значимое содержание знака. Этот отбор признаков связан с системностью, так как каждый язык в любом ярусе своей структуры выбирает, исходя из противопоставлений другим аналогичным членам данной системы, нужные для знака признаки; 3) остальные материально наличные признаки имеют иное качество в силу своей непротивопоставленности, т. е. находятся «вне игры»; 4) знак в языке не обладает собственным значением, но только через различие и тождество знаков возможно речевое общение и передача в языке того, что недоступно чувственному восприятию ⁵.

Поясним сказанное фонологическим примером. В русском и французском языках имеются твердые и мягкие оттенки [t] и [k]. Возникает вопрос: сколько единиц в четырех звуках [t, t', k, k'] в русском и французском языках? Если два звука могут стоять в одной позиции (в одинаковых произносительных и морфологических условиях) и они различаются каким-либо признаком, а тем самым могут различать два значения в языке, — это две разные единицы. Если же данная операция невозможна, т. е. два звука нельзя поставить в ту же позицию и, наоборот, они друг друга вза-

¹ См. «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв.», сост. В. А. Звегинцев, М., 1956, стр. 199, 203—204, 209.

² Д. Н. Кудрявский, Введение в языкознание, 2-е изд., Юрьев (Дерпт), 1913, стр. 23.

³ См. E. Husserl, Logische Untersuchungen, Teil 2, Halle a. S., 1913, стр. 24 и сл.

⁴ См. K. Bühler, Sprachtheorie...

⁵ См. об этом: А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 22—23.

имно заменяют в разных позициях, то, значит, это не две разные единицы. В предлагаемом² примере получается такая картина:

В русском языке:

1) [t] и [t'] могут быть в любых позициях, различая смысл: *ток-тёк, тук-тук, плот-плоть* и т. д.;

2) [k] бывает перед [а, о, и], перед согласными и в Auslaut'e, [k'] бывает перед [е, i].

Во французском языке:

1) [t] бывает только перед [а, а:, о:, ѓ, а: ѓ:, и] и в Auslaut'e: *tas* [ta] «суча», *patte* [pat] «лапа», *pâte* [pa:t] «тесто», *ôt* [ô] «рано», *temps* [tã:] «время», *ton* [tõ:] «твой», *toute* [tut] «вся» — в Auslaut'e; [t'] — только перед передними гласными [i, e, э, е:, э, ө, ө:, и] *tu* [ty] «ты», *teint* [tẽ] «окраска и др.;

2) то же, что, и с [t] и [t'].

Отсюда следует вывод, что, во-первых, в русском языке из четырех звуков [t, t'; k, k'] получается три единицы: <t>, <t'> и <k/k'>, а во французском — две <t/t'> и <k/k'>¹ и, во-вторых, что в русских <t> и <t'> качество твердости и качество мягкости являются дифференциальными (различительными) признаками независимо от позиции, а во французских [t] и [t'] твердость и мягкость согласной обусловлена позицией, положением перед задними или передними гласными. Для [k] и [k'] — положение в русском и французском языке одинаковое. Здесь нет двух единиц, а есть две вариации одной и той же единицы, хотя позиции в этих двух языках для [k] и [k'] несколько иные. Конечно, может возникнуть вопрос о том, какая же из вариаций основная, главная, и какая побочная? Вопрос решается путем элиминирования и тех и других причин, т. е., например, исходной позицией (Auslaut'a), где нет в постпозиции ни задвей, ни передней гласной².

Существует мнение некоторых сторонников структурализма, что в этом плане применительно к фонологии следует ограничиваться лишь анализом дифференциальных признаков, отбрасывая все прочие³. Вряд ли это правильно. Конечно, гораздо хуже регистрировать все признаки фонем под «одну нумерацию», не различая дифференциальных и недифференциальных признаков, как это иногда делается в «фонологической» литературе⁴. Но ограничение фонологии только дифференциальными признаками явно недостаточно. Мы знаем случаи, когда отдельные диалекты какого-либо языка имеют тот же состав фонем, но система варьирования этих фонем иная, да и само значение фонем в сильных позициях различно. Взяв хотя бы различные типы яканья в южнорусских говорах или различные северные говоры, где нет двух аффрикат <ш> и <ч>, а имеется одна, которая реализуется по-разному — то как [ц], то как [ц'], то как [ч], то как «нечто среднее» между [ч] и [ц]⁵.

Таким образом, при описании фонологической системы следует строго разграничивать дифференциальные и недифференциальные признаки и изучать те и другие, памятуя об их качественном различии.

Знаками в языке являются фонемы и иные фонологические средства (а на письме — графические знаки и способы их сочетаний).

¹ См. А. А. Реформатский, Фонологические заметки, ВЯ, 1957, № 2.

² Подробнее см. А. А. Реформатский, Введение в языковедение, стр. 179 и сл.

³ См. С. К. Шаумян, Проблема фонемы, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 4.

⁴ См., например: А. Н. Гвоздев, О фонологических средствах русского языка, М.—Л., 1949; его же, О фонологии «смешанных» фонем, ИАН ОЛЯ, 1953, вып. 1.

⁵ См. В. Г. Орлова, Типы употребления аффрикат как различительный признак русских народных говоров, ВЯ, 1957, № 1.

Являются ли с этой точки зрения знаками слова? И да, и нет. Слово через низлежащие ярус¹ структуры — фонетику и технические способы морфологии — доступно чувственному восприятию. В слове материальный фонетический комплекс не тождествен значению, т. е. не отображает действительность. Значит, с этой точки зрения, слово удовлетворяет приведенному выше пониманию знака. Поскольку слово имеет значение, недоступное чувственному восприятию, оно может не подходить под понятие знака. В то же время вне знаковости ни слово, ни любой иной элемент языка немислим. Знаковость — первое условие существования языка, и коренится оно в наличии у человека второй сигнальной системы.

6. Положительным в структурализме является и постановка проблемы абстракции, которая у младограмматиков не получила должного освещения. Эта проблема у них перекрещивалась с проблемой реальности, понимаемой в духе О. Конта. Однако смешивать их невозможно. Ведь конкретна только речь. Но ее конкретность надо уметь разложить на *Schein* и *Sein*. И здесь уже нужна абстракция. Эта абстракция конституирует не только науку о языке, но и сам язык в его речевой практике. В языке наличествуют разные типы практической абстракции, которыми владеет каждый говорящий на своем языке совершенно независимо от того, грамотен он или нет. Весь язык есть историческая реальность, но каждый ярус его структуры обладает своей разновидностью абстракции. Лексическая абстракция, например, состоит в том, что слово соотносено номинативно не прямо с данной вещью, а всегда с классом вещей. Это особенно явствует в именах нарицательных, соотношенных с понятиями, но касается и собственных имен. Думаю, что абстракция нарицательных и собственных имен — это две разные ступени лексической абстракции.

Иным качеством обладает грамматическая абстракция. Не будем здесь помянуть «Глокую куздру» Л. В. Щербы¹. Синтаксические схемы и морфологические модели могут вмещать и менять любой лексический материал. В отличие от абстракции лексической грамматическая абстракция — это не номинативная, а реляционная абстракция. Это абстракция отношений и характеристик. Словообразование мы также считаем грамматическим явлением и включаем его в грамматику.

Абстракция фонетическая, может быть, самая показательная для языка в целом. Ведь если для морфологии неважно, к чему приставляются флексии *-ов*, *-ам*, *-ами*, *-аз* и т. п., но важно, что *-ов* — родительный падеж, а *-ам* — дательный и т. д., то для фонетики совершенно внеположно, что *«а»* — это флексия родительного падежа единственного числа второго склонения (*дбама*, *стола́*, *окна́*), или флексия именительного падежа множественного числа для многих слов того же склонения (*дома́*, *бкна́*), или же это образующий форму деепричастия аффикс *-а* (*зевая́*), или просто корневое *[а]* любого слова, содержащего эту гласную: *пал*, *бал*, *мал*, *фал*, *вал*, *стал*, *дал*, *канал* и т. п. При этом никакого своего значения *[а]* не имеет. Характер абстракции фонем — в отвлечении от всех ее вариантов — совершенно особый. Эта абстракция не может быть рассмотрена как «ступень» или количественная разновидность лексической или грамматической абстракции.

Сказанным еще раз подтверждается наличие ярусов языковой структуры — лексического, грамматического и фонетического — с особой, свойственной каждому ярусу, абстракцией².

¹ См.: А. А. Реформатский, Введение в языковедение, стр. 259—260; Л. В. Успенский, Слово о словах, 2-е изд., 1956, стр. 257—258.

² В связи с этим хотелось бы отметить, что определение состава фонем невозможно, если язык «непонятен» (как это пытались доказать некоторые американские и советские лингвисты), но «понимание» языка лимитировано определенным ярусом —

7. На базе различения структурных ярусов языка и типов языковой абстракции определяются и характеризуются единицы языка. Привычная схема выявления единиц языка (предложение — слово — морфема — звук) — очень неточна и неверна. Это не значит, однако, что надо исключать слово как единицу из данного ряда¹.

Напротив, именно с точки зрения структурализма, как я его понимаю, слово должно быть в центре внимания исследователя. Чем же определяются единицы языка? Отнюдь не количественными признаками (большое — меньше — маленькое), а качественными, что в свою очередь определяется функциями данных единиц.

8. Что же следует понимать под термином «функция»? Надо сказать, что вокруг этого термина было много поломано копий. Хулившие этот термин не понимали простой истины: все, что существует в языке как реальность, должно быть направлено на осуществление главных функций языка: коммуникативной, номинативной, экспрессивной, дейктивной. Тем самым принцип функциональности заложен в самой структуре языка. Именно через функцию того или иного «факта» языка мы можем понять качественное отличие данного элемента от сродных ему в системе и несродных, но сопряженных с ним в структуре. И именно исходя из функций, а не из каркасов языковых фактов, можно выявить единицы, которые могут существенно меняться в своей характеристике и в своем составе в зависимости от типа языка.

Если язык в целом и отдельными ярусами своей структуры выполняет коммуникативную, номинативную, семасиологическую, экспрессивную, дейктивную функции, то в нем должны быть носители этих функций, и их следует обнаружить. Функции единиц могут перекрещиваться и сополагаться, но каждый раз мы можем определить ведущую и основную. Так, для синтаксических единиц ведущей будет функция коммуникативная, будь то сложные, осложненные обособленными оборотами простые предложения или же разного типа синтагмы (берем этот термин в плане чисто грамматическом, а не фонетико-семасиологическом, что часто встречается в лингвистической литературе), конечно, коммуникативность, связанная с предикацией, качественно отличается от коммуникативности непредикативных синтагм.

Все это не значит, что синтагмы и предложения лишены номинативной функции. Нам кажется, что спор о том, является ли словосочетание (берем этот термин в понимании Фортунатова) коммуникативной или номинативной единицей, излишен. Это синтаксическая, коммуникативная единица; как сочетание слов — номинативная, где иногда целое не равно номинативно сумме элементов (идиоматизм). Это не мешает словосочетанию быть и семасиологической единицей, поскольку его элементы (слова) связаны с понятиями. Но тем не менее словосочетание — это прежде всего коммуникативная единица, и степень его предикативности тем более, чем ближе само словосочетание к предикативному сочетанию².

Номинативность слова вряд ли кто отрицает, и именно в этой функции следует искать специфику слова как единицы. «Отрицание слова» — модная, но неверная теория некоторых направлений структурализма Запада

морфологическим, а лексическое значение может быть элиминировано. См. об этом В. Трка, *Určování fonému*, sb. «Philologica et historica» («Acta Universitatis Carolinae», 1954, 7), Praga, 1954, стр. 19 и 21.

¹ См. Э. Сепир, *Язык. (Введение в изучение речи)*, перевод с англ., М.—Л., 1934, стр. 26, 27 и др.

² См. М. И. Стеблин-Каменский, О предикативности, «Вестник ЛГУ», № 20, Серия истории, языка и лит-ры, вып. 4, Л., 1956.

и Америки. Наивное мнение о том, что язык — это «слова», не так уж неверно. Конечно, не только слова, но слова — прежде всего.

Мы не намерены выступать в защиту слова как единицы. Для советского языкознания это достаточно ясный вопрос, давно обсуждавшийся в русской лингвистике (А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский и др.) и получивший новые разъяснения в последнее время¹. Гораздо сложнее вопрос о «меньших» единицах — морфологических и фонологических. По этому вопросу и в советской лингвистике нет единства мнений, не говоря уже о зарубежных работах.

Вопрос о тождестве морфемы не менее сложен, чем вопрос о тождестве слова. Применительно к слову — это разграничение сочетания слов, сложных слов, производных и первообразных. Применительно к морфеме — это прежде всего вопрос о членности лексемы на морфемы, вопрос об опрощении и переразложении, о производящих, производных, свободных и связанных основах².

Очевидно, понятие морфемы и выделение ее как единицы тесно связано с типом языка; поэтому морфемы в языках агглютинирующих и в языках флективно-фузионных имеют различное качество; особый вопрос представляет собой проблема морфемы в языках инкорпорирующих³.

В частности, в языках флективно-фузионных мы неизбежно встречаемся с затруднительными случаями морфологической членности лексемы, когда суффикс «затух», а корень еще «играет» и, наоборот, когда суффикс «в игре», а корень «затух» (ср. такие случаи, как *выюшка*, *пастух*, *обувь*, *буженина* и др., где можно пользоваться терминами «потенциальный» суффикс и корень или «суффиксоид» и «радиксоид»).

В фонологии трудности выделения и определения единиц заключаются в том, что основная единица этого яруса языковой структуры — фонема, минимальный по линейному членению речи «отрезок»; это уже не линия, а точка, но точка сложная, так как фонема не линейна, а структурно разложима на признаки, данные симультанно, но имеющие различные отношения в пределах той или иной фонологической системы. Кроме того, большие трудности представляет объединение вариаций в одну единицу и расчленение по соотношениям слабых и сильных позиций вариантов на разные единицы. Это особый вопрос, которого мы касаться не будем⁴.

Мы попытались разъяснить связь вопроса о единицах языка с вопросом об их функциях. На наш взгляд, определение единиц языка и их характеристика зависят прежде всего от ведущей функции данной единицы. Это и конституирует реальность абстрагируемых единиц.

9. Очень запутан вопрос об отношениях, хотя никто не спорит, что весь синтаксис строится на выражении отношений, причем специфических,

¹ См.: А. И. Смирницкий, К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова»), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952; его же, К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»), «Труды Ин-та языкознания», т. IV, М., 1954; его же, Значение слова, ВЯ, 1955, № 2. См. также М. В. Панов, О слове как единице языка, «Уч. зап. [Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина]», т. LI, Кафедра русск. языка, вып. 5, М., 1956.

² См.: Г. О. Винокур, Заметки по русскому словообразованию, ИАН ОЛЯ, 1946, вып. 4; А. И. Смирницкий, Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ, «Докл. и сообщ. Филол. фак-та [Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова]», вып. 5, 1948; А. А. Реформатский, О соотношении фонетики и грамматики (морфологии).

³ См. Э. Сепир, указ. соч., гл. VI; см. также В. П. Григорьев, Некоторые вопросы теории словосложения. Канд. диссерт., М., 1955.

⁴ См.: П. С. Кузнецов, К вопросу о фонематической системе современного французского языка, «Уч. зап. МГПИ», т. V, Кафедра русск. языка, вып. 1, М., 1941; А. А. Реформатский, Проблема фонемы в американской лингвистике, там же; П. С. Кузнецов, О фонологической системе сербо-хорватского языка, ИАН ОЛЯ, 1948, вып. 2; А. А. Реформатский, Введение в языкознание, стр. 177 и сл.

языковых. Синтаксические отношения — это особые, свойственные лишь языку отношения, которые нельзя подменять иными. Кроме синтаксических отношений, в языке выражаются, например, модальные, которые обозначают реляционную связь говорящего и речи; поэтому модальные отношения устанавливаются только в момент речи и выражают прежде всего целевую установку данной речи.

«Отношения», передаваемые такими языковыми категориями, как род, число, определенность и неопределенность и др., многими не считаются за отношения (так как это отношения не синтаксические и не модальные). Это особые, мы бы сказали, к в а л и ф и к а т и в н ы е отношения, которые во многих языках выражаются чисто реляционными способами, например артиклями и их сменой.

Следует ли «бояться» анализа отношений в грамматике? Вряд ли, скажет большинство. И тем не менее понять к а т е г о р и ю ч и с л а как о т н о ш е н и е многие не решаются. Мы отнюдь не склонны кидаться и в иную пропасть: признавать в языке только отношения без наличия относимого, как это встречается у отдельных представителей западного структурализма.

IV

Всячески утверждая структурализм как метод лингвистической науки, я никак не могу обойти вопрос о том, можно ли все направления структурализма объединять в одно целое, единое по существу. Меня очень озадачила статья С. К. Шаумяна «О сущности структурной лингвистики» (ВЯ, 1956, № 5), который, высказав ряд верных соображений, в то же время объединил все направления зарубежного структурализма и признал даже тезис Соссюра — Ельмслева о сравнении знаковости языка и знаковости светофора. Даже простые напоминания могут показать, что дескриптивная школа американцев, датский структурализм и структурализм Пражского кружка — не одно и то же. Если Брендаль хотел видеть в фонеме «платонову идею», а Тводл — «фикцию», то эти взгляды и идеи весьма различны и трудно объединяемы. Представители школы Блумфилда, как и он сам, аттестуют себя «физикалистами» и исходят из бихевиоризма; Ельмслев же идет совершенно другим путем: он хочет дематериализовать знак и свести все только к отношениям без учета относимого. Путь блумфилдианцев — прагматизм, путь Ельмслева — спиритуализм.

Мне хотелось бы ответить на некоторые недоуменные вопросы, пользуясь той «анкетой», которая предложена в передовой статье журнала «Вопросы языкознания» (1956, № 4):

1. Проблема отношений стоит, конечно, в центре лингвистического внимания. Без этого нельзя понять систему языка и, следовательно, структуру его. Но для того чтобы понять ценность отношений и соотношений, необходимо знать качество относимого, что требует специального исследования. Несомненно, качество относимого должно быть взято «в отношения» и в системе¹.

2. Отождествление разных школ зарубежного структурализма — неправильно. Об этом уже было сказано. Каждая из них имеет свои положительные достижения и неудачи. Надо думать о том, что и для чего нужно использовать.

¹ См. R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, Preliminaries to speech analysis, 2-d print., [Mass.], 1955, [обл.: 1952], а также S. Karcevskij, Du dualisme asymétrique du signe linguistique, TCLP, 1, 1929. Моя несогласия с J. Nida в трактовке тождеств и нетождеств в грамматике изложены в упоминавшейся выше моей статье «О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)».

3. Методы структурализма применимы ко всем структурным ярусам языка, к одним — легче (фонетика и морфология), к другим — труднее (лексика и синтаксис). И сравнительно-исторический метод важно обогатить приемами структурального анализа (здесь есть удача: работы Е. Куриловича¹, Э. Бенвениста², и, думаю, А. И. Смирницкого³). О применении лингвистического структурализма к области прикладной лингвистики и при решении внелингвистических вопросов было сказано выше и будет еще сказано ниже.

4. На шестой и седьмой вопросы как будто бы ответы я дал, хотя и очень приблизительные. Ответ на вопрос восьмой ясен: конечно, структурализм как метод занимает сейчас ведущее положение (не исключая, однако, и других методов).

5. Ответ на девятый пункт требует времени. Безусловно, структурализм в лингвистике тесно связан с математическими методами исследования, но у нас слишком мало еще сделано в этой области. Работы и споры ведутся и обещают впереди много интересного. Думаю, что плодотворность объединения мысли лингвистов и математиков не требует доказательства. Практика это уже подтвердила, и стремление многих лингвистов сделать свою науку «точной» не нуждается в оправдании. Однако есть целый ряд областей в лингвистике, где нужно содружество не с математиками, а с историками, этнографами, археологами, антропологами, географами (например, в области топонимики, где географы «поставляют материал», лингвисты — «интерпретируют», а историки — «потребляют»). Такое содружество необходимо для взаимодействия наук и не может быть заменено благотворным союзом лингвистов, математиков и, кстати добавлю, логиков.

V

Какие же можно сделать выводы из всего изложенного здесь?

1. На смену старому младограмматическому воззрению на язык пришло новое. Его называли структурализмом. «Изгибы» структуралистов — это главным образом и з а м е н ы структурализму как строгой, точной науке о языке.

2. Структурализм нужен для преодоления имевшейся в прошлом пропасти между «научной», «исторической» лингвистикой и «нормативной», «школьной». Составление описательных грамматик и очерков языка в словарях может быть правильно осуществлено только при помощи структуралистских методов.

3. В плане теоретическом структурный анализ фактов языка может быть единственной базой типологии языков⁴.

4. Без структурного анализа языка нельзя приниматься за строительство и реформу алфавитов, вопросы письменности в широком смысле этого слова, куда мы включаем и всю практическую транскрипцию, что

¹ Например, J. Kurylowicz, Le sens des mutations consonantiques, «Lingua», vol. I, № 1, 1948.

² E. Benveniste, Origines de la formation des noms en indo-européen, I, Paris, 1935 (русс. перевод: Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, М., 1955).

³ А. И. Смирницкий, К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании, ВЯ, 1952, № 4 и др.

⁴ См.: R. Jakobson, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics [«Reports for The Eighth international congress of linguists (Oslo, 5—9 august 1957). Supplement»], Oslo, 1957; М. М. Гухман, Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования, ВЯ, 1957, № 5.

необходимо для картографии, библиографии, практики перевода и даже для паспортизации населения.

5. Не может обойтись без структурального анализа и лексикограф, особенно когда дело касается определения значений полисемического слова или выделения омонимов.

6. Технические вопросы, связанные с человеческой речью: исследование речепроводимости телефонных кабелей, условий речевого общения водолазов, речи в условиях «шума» — требуют структурного анализа и фонетического и грамматического ярусов¹.

7. Вопросы машинного перевода с одного языка на другой требуют точного, формально-структурного описания данных двух языков, на почве чего можно составить правила машинного перевода, т. е. той суммы заданий машине, которую можно перевести в машинный код. Это касается и «буквального» перевода и, в предвидении, звукового. У нас идет интенсивная работа для изыскания путей и «правил» этого большого дела². Работают и координируются многие организации и ученые разных специальностей. Бесспорно уже то, что все это и технически, и лингвистически осуществимо. Данная проблематика ставит новые проблемы перед теоретической лингвистикой.

8. Современная диалектология и лингвистическая география вряд ли могут получить нужные результаты без структурного анализа диалектов — идиомов и прежде всего без фонологической интерпретации диалектных данных³.

9. Думаем, наконец, что подлинную историю языка, воссоздаваемую пером исследователя, отрешившегося от всех практических заданий, можно правильно изложить только тогда, когда речь в нужное время «остановлена» и структурально описана в моменты этих «остановок» в плане языка.

¹ См. Л. А. Варшавский и И. М. Литвак, Исследование некоторых физических характеристик и формантного состава звуков русской речи, «Научно-технический сборник [Гос. союзн. научно-исслед. ин-та МРТИ СССР]. Телефонная акустика», Л., 1955.

² См.: П. С. Кузнецов, А. А. Ляпунов, А. А. Реформатский, Основные проблемы машинного перевода, ВЯ, 1956, № 5; О. С. Кулагина и И. А. Мельчук, Машинный перевод с французского языка на русский, ВЯ, 1956, № 5; Л. И. Жирков, Границы применимости машинного перевода, ВЯ, 1956, № 5; Т. Н. Молошная, В. А. Пурто, И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, Некоторые лингвистические вопросы машинного перевода, ВЯ, 1957, № 1.

³ Этот вопрос был поставлен в свое время Н. С. Трубецким (см. N. S. Trubetzkoy, Phonologie und Sprachgeographie, TCLP, 4, 1931), что подчеркивает Р. Г. Пиотровский [Р. Г. Пиотровский, Структурализм и языковедческая практика. (Возможна ли структуральная диалектология?), ВЯ, 1957, № 4]. Ср. также: W. Doroszewski, Le structuralisme linguistique et les études de géographie dialectale, в кн. «Reports for The Eighth international congress of linguists (Oslo, 5—9 august 1957)», vol. II, Oslo, 1957; E. Stankiewicz, On discreteness and continuity in structural dialectology, «Word», vol. XIII, № 1, 1957; J. C. Catford, The linguistic survey of Scotland, «Orbis», t. VI, № 1, 1957 (со ссылкой на работы Р. И. Аванесова на стр. 118, примеч. 2).